

ПАТРИЦИЯ
ВЕНТВОРТ

В детективах Патриции Вентворт
есть все: увлекательный сюжет,
захватывающая интрига
и удивительная, типично британская
главная героиня – мисс Мод Сильвер,
элегантная и слегка эксцентричная
пожилая дама, обладающая талантом
детektива-любителя. Сама Агата
Кристи не раз признавалась:
во многом Мод Сильвер стала
образцом и прототипом для
легендарной мисс Марпл.

ПАТРИЦИЯ
ВЕНТВОРТ

.....
КОГДА ЧАСЫ ПРОБЬЮТ
ДВЕНАДЦАТЬ
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В29

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Wentworth

THE CLOCK STRIKES TWELVE

Перевод с английского *В.С. Сергеевой*

Серийное оформление *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Вентворт, Патриция.

В29 Когда часы пробьют двенадцать : [роман] / Патриция Вентворт ; [пер. с англ. В.С. Сергеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-101553-4

В новогоднюю ночь жестоко убит промышленный магнат Джеймс Парадайн. Главным подозреваемым становится Марк, племянник и основной наследник жертвы. Однако мисс Сильвер убеждена: и мотив, и возможность совершить преступление имелись практически у каждого члена клана Парадайн, представителей которого связывают весьма непростые отношения...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-101553-4

© Patricia Wentworth, 1944
© Перевод. В.С. Сергеева, 2012
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

Глава 1

Мистер Джеймс Парадайн подался вперед и взял телефонную трубку. В Берлтоне еще не было автоматической телефонной связи. Он подождал, когда ответит станция, и попросил соединить с мистером Элиотом Рэем, отель «Виктория». Мистер Парадайн сидел в той же позе, ожидая связи, за красивым массивным столом красного дерева, с крышкой, обитой темно-красной кожей. Вся мебель в комнате была массивной и красивой: шифоньеры, шкафы с выдвигаемыми ящиками, книжные полки, стулья и кресла из того же гарнитура, что и письменный стол, — отличная кожа, отличное дерево, отличная работа. На полу лежал очень мягкий ковер малинового цвета. Тяжелые шторы такого же теплого оттенка были задернуты. Над черной мраморной каминной полкой висел большой портрет покойной миссис Парадайн — красивой дородной дамы в рубиновом бархатном платье и с огромным количеством бриллиантов. Но, несмотря на это, она все-таки производила впечатление добродушной и домовитой особы. В комнате не было ничего нового — но и ничего потерятого. Все, казалось, носило отпечаток энер-

Патриция Вентворт

гичной и величественной природы самого Джеймса Парадайна. Тяжелые позолоченные часы под портретом мелодично прозвонили четыре раза, потом отбили семь часов. Когда затих последний удар, в трубке послышался треск и женский голос:

— Говорите.

Вслед за тем отозвался Элиот Рэй:

— Алло?

Джеймс Парадайн сказал:

— Это вы, Рэй? Говорит Джеймс Парадайн. Я хочу вас видеть. У себя. Немедленно.

— Но, сэр...

— Никаких «но». Я хочу, чтобы вы немедленно приехали. Кое-что случилось.

У Элиота Рэя сжалось сердце. Он помедлил, прежде чем спросить:

— Что именно?

— Расскажу, когда приедете.

Снова пауза. Элиот сдержанно осведомился:

— Какие-то неприятности?

Как бы Элиот ни старался владеть собой, что-то в его голосе заставило Джеймса Парадайна мрачно улыбнуться. Он ответил:

— В общем, да. Но это имеет отношение к бизнесу, ничего личного. Приезжайте скорее.

— Я ужинаю с Моффетами, сэр.

— Придется отменить ужин. Я позвоню им и скажу, что вы нужны мне.

Элиот Рэй постоял, нахмурившись, с трубкой у уха. Джеймс Парадайн был партнером Роберта Моффета и главой «Парадайн — Моффет уоркс». Он не стал бы заставлять Рэя отказываться отужи-

Когда часы пробьют двенадцать

на, тем более под Новый год, если бы не стряслось нечто чрезвычайное.

— Хорошо, сэр, сейчас приеду.

— Договорились. — И Джеймс Парадайн повесил трубку.

Ривер-Хаус находился в трех милях от Берлтона и в четырех — от отеля. Учитывая затемнение, Элиот мог добраться до Парадайна минут за двадцать.

Парадайн подошел к двери и выключил две ослепительно ярких лампы, а потом пересек темную комнату и встал в просвете между тяжелыми шторами. Шторы как будто продолжали стену, но за ними скрывался глубокий эркер с окнами справа и слева и стеклянной дверью посередине. Мистер Парадайн повернул ключ, открыл дверь и остановился на пороге, глядя перед собой. Две небольшие ступеньки вели на просторную террасу. Обнесенный парапетом край чернел на фоне залитого лунным светом пейзажа. Дом стоял на возвышении над рекой, поэтому и получил такое название*. Джеймс Парадайн окинул взглядом прекрасный вид — серебристые, поросшие лесом холмы справа, речную долину, лежавший слева Берлтон. Почти полная луна на безоблачном небе освещала окрестности. При столь ярком свете Рэй мог добраться и быстрее, чем за двадцать минут, как прикинул Парадайн сначала. Край террасы виднелся совсем ясно, как днем, а за ним начинался крутой, почти отвесный обрыв — до кромки воды.

* От *англ. river* — река. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Патриция Вентворт

Парадайн стоял, наслаждаясь красотой природы, и в то же время был не в силах отвлечься от занимавших его мыслей — он буквально смаковал их, упивался ими. Спустя некоторое время он повернул часы на запястье и с легкостью различил циферблат — четверть восьмого. Снова раздвинув шторы, он пересек комнату и включил свет.

Ровно через три минуты вошел Элиот Рэй с напряженным лицом, растрепанными светлыми волосами и ледяным взглядом. Приехать он приехал, но не собирался оставаться здесь дольше необходимого. Лишь добравшись до Ривер-Хауса, он понял, насколько сильно не хочет входить в этот дом. Какая разница между Нью-Йорком и Лондоном, Берлтоном и Тимбукту, если везде одно и то же? Для Элиота Филида была все равно что мертва. Пока Рэй не приехал в Ривер-Хаус, он и не догадывался, что ее образ неотступно будет следовать за ним. И сейчас, когда он поднимался по лестнице, рядом словно была она и шептывала ему что-то на ухо.

Рэй закрыл дверь и подошел к столу. Нервы у него едва ли не звенели от возмущения.

— В чем дело, сэр?

Джеймс Парадайн взглянул на Элиота. Он сидел, откинувшись на спинку вращающегося кресла и положив руки на подлокотники.

— Лучше сядьте, — велел он и тут же добавил: — Чертежи исчезли.

Элиот ухватился обеими руками за край стола, подался вперед и переспросил:

— Что?!

Когда часы пробьют двенадцать

Джеймс Парадайн слегка кивнул.

— Исчезли, — повторил он. — Лучше сядьте, ей-богу.

Элиот не обратил внимания на слова патрона.

— Как они могли исчезнуть? — Он выпрямился и отступил на шаг. — Я же оставил их у вас сегодня днем.

— Вот именно. Вы привезли их от Кэдогана вчера, мы с Бобом Моффетом и Фрэнком все обсудили, после второго совещания вы оставили их здесь — сегодня, в три часа, — а в половине шестого я обнаружил, что они пропали.

— Но, сэр...

— Минуту. Думаю, вы согласитесь, что о приглашении на ужин следует забыть. Я уже сказал Бобу Моффету, что вы нужны мне по делу. Теперь послушайте. Не надо слишком беспокоиться. Чертежи исчезли, но мы их вернем. Это наше внутреннее, семейное дело, и я разберусь с ним по-своему. Но все-таки прошу вас остаться здесь на ночь. Прежняя комната в вашем распоряжении.

Элиот никак не рассчитывал на такой поворот событий.

— Нет, сэр... не могу.

— Вы предлагаете вернуться к Кэдогану и объявить, что чертежи исчезли? Говорю же, я намерен все уладить сам. Я гарантирую — да, гарантирую, — что они будут у меня еще до наступления утра.

Взгляды обоих мужчин встретились. Если между собеседниками и произошел в этот миг поединок воли, внешне это было практически незаметно.

Элиот заговорил первым:

Патриция Вентворт

— Вы сказали, это семейное дело. Не уточните?

— Сейчас объясню. Вы передали мне чертежи в половине четвертого в моем рабочем кабинете. В течение трех четвертей часа они лежали в портфеле на столе, и в помещении все время кто-нибудь был. Сам я выходил из кабинета трижды. В первый раз я отсутствовал пять минут. Вы помните, что мы прошли по коридору вместе и встретили главного инженера Брауна, который хотел со мной переговорить? В кабинете тогда находился мой секретарь Альберт Пирсон. Вернувшись, я послал его к Бобу Моффету с некоторыми данными, которые тот запрашивал. Вскоре пришел мой пасынок Фрэнк Амброз вместе с моим племянником Марком Парадайном. Я отсутствовал примерно четверть часа, а они сидели в кабинете. Когда я вернулся, Фрэнк уже ушел, а Марк собирался уходить. Наконец взглянул второй племянник, Ричард Парадайн. Он ждал в комнате, пока я ходил мыть руки. Придя назад, я забрал портфель и поехал домой, а в половине седьмого открыл его и обнаружил, что чертежи исчезли. Вы спросили, отчего я назвал это «семейным делом». Судите сами: ни у кого, кроме членов моей семьи, не было возможности их забрать.

Элиот пожал плечами.

— А ваш секретарь Пирсон? — спросил он.

Красивые черные брови Джеймса Парадайна приподнялись.

— А вы не знали, что он тоже мой родственник? Дальний, но тем не менее. Нет-нет, неприятность случилась в семейном кругу, и я не намерен выносить сор за его пределы. Вот почему я и позвал вас.

Когда часы пробьют двенадцать

Элиот насторожился.

— Вряд ли я вправе претендовать... — начал он, но Парадайн быстро перебил:

— Хватит! Никакой дерзости я не потерплю. Вы сделаете то, что я скажу, по одной простой причине: мы обязаны вернуть чертежи. Полагаю, скандала вы хотите не больше, чем я. А что касается наказания... не бойтесь. Оно будет... соразмерным.

Воцарилась тишина. Элиот замер. Ему казалось, что он пробыл здесь уже очень долгое время. Он думал: «Что за этим кроется? Что старик задумал, что он знает?» Наконец он спросил:

— Не спешите ли вы с выводами, сэр? В конце концов, портфель находился в вашем доме два-три часа. Может, вы напрасно обвиняете родных? Как насчет слуг?

Джеймс Парадайн откинулся на спинку кресла, сомкнул кончики пальцев и положил руки на колени. Негромко и бесстрастно он произнес:

— Они тут ни при чем, мой дорогой Элиот. Более того, я точно знаю, кто взял чертежи.

Глава 2

Грейс Парадайн вышла из комнаты и немного помедлила, держась за дверную ручку белоснежной рукой, на которой красовалось дорогое рубиновое кольцо. Коридор, где она стояла, был хорошо освещен и покрыт толстым старомодным, но очень ценным ковром, отличавшимся буйством красок — малиновая, ярко-синяя, зеленая. Мистер Джеймс Парадайн любил яркие цвета. Мода конца минув-

Патриция Вентворт

шего века не допускала никаких коррективов. Эти цвета господствовали в доме в пору его детства, и с тех пор ничего не изменилось. Если какая-то вещь приходила в негодность, ее заменяли точно такой же, без каких-либо отклонений от шаблона. Все уступки современным вкусам основывались лишь на соображениях практичности. Дом был напигован телефонами, повсюду ярко горел электрический свет, комнаты самым приятным образом отапливались при помощи печи в подвале.

Мисс Парадайн отпустила дверную ручку и отошла от двери. Стоя под ярким светом лампы без колпака, она выглядела весьма эффектно. Это была высокая статная женщина, не красавица, но невероятно представительная в своем черном вечернем платье и изящной меховой накидке. На груди у нее мерцала бриллиантовая звезда, а на шее — большое жемчужное ожерелье. Темные волосы, чуть тронутые сединой и стянутые в изящный узел на шее сзади, ниспадали широкими волнами от пробора посередине. Руки и волосы составляли главную прелесть мисс Парадайн. Сестра Джеймса Парадайна после смерти его жены управляла домом вот уже двадцать лет. Сейчас она, нахмурившись, внимательно смотрела в конец коридора. Несомненно, она чего-то ждала и слушала.

Вдруг с пугающей стремительностью ее лицо изменилось. Угрюмость, напряжение, тяжесть исчезли, сменившись широкой обаятельной улыбкой. Мисс Парадайн повернулась и направилась к девушке, которая показалась из дальней комнаты. Девушка шла навстречу медленно — и без

Когда часы пробьют двенадцать

ответной улыбки. Она была высоким, красивым, грациозным созданием, с темными вьющимися волосами, белоснежной кожей и темно-синими глазами. Когда густые ресницы скрывали синеву — как, например, в эту минуту, — ее глаза казались черными. Лишь когда девушка широко раскрывала их или внезапно обращала вверх, становилось понятно, что на самом деле они напоминают цветом сапфиры или морскую воду на глубине. Это была приемная дочь Грейс Парадайн — Филида Рэй, двадцати трех лет.

Она шагала по коридору в длинном белом платье, с ниткой жемчуга, подаренной на двадцать первый день рождения, — превосходный жемчуг, тщательно подобранный, ее единственное украшение. На красивых пальцах ни одного кольца, ногти покрыты ярко-красным лаком...

Грейс Парадайн положила руку на плечо девушки и повернула кругом.

— Прекрасно выглядишь, дорогая. Но ты такая бледная...

Черные ресницы поднялись и опустились, обнаружив ярко-синие глаза, — слишком быстро, чтобы можно было понять, не кроется ли в них гнев. Безупречно сдержанно Филида произнесла:

— Правда, тетя Грейс?

Мисс Парадайн вновь ласково и обаятельно улыбнулась:

— Да, милая, правда.

Она тихо рассмеялась и ласково провела пальцами по обнаженной руке девушки, от плеча до пунцовых ноготков.

Патриция Вентворт

— Между нами говоря, детка, на мой взгляд, необязательно брать на себя так много. И тогда, ради нашего праздника, на твоих щеках расцвели бы розы...

— Зимние розы — белые, — ответила Филида со странным легким смешком и направилась к лестнице.

Мисс Парадайн шла рядом. Филида высвободила руку. Они спускались вместе, но по разные стороны лестницы. Грейс Парадайн держалась за массивные перила красного дерева.

— Просто ужасно, что тебя заставили дежурить на Рождество, — сказала она.

— Я сама вызвалась.

Мисс Парадайн ответила не сразу. Она улыбнулась:

— В любом случае, милая, так приятно, что сейчас ты здесь. Долго пробудешь у нас?

— Не знаю, — сказала Филида.

— Но...

Девушка остановилась, бросила на приемную мать взгляд, который мог показаться умоляющим, и поспешно произнесла:

— Мне разрешили остаться на неделю, если я захочу, но, честно говоря, сомневаюсь. Лучше я буду работать. — В ее голосе зазвучали мятежные нотки. — Не смотрите так, я сказала это не для того, чтобы вас обидеть. Просто... ну.. вы понимаете.

Мисс Парадайн тоже остановилась и крепче ухватилась за перила. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выказать огорчения, и она блистательно с этим справилась. Слова Грейс были исполнены сочувствия:

Когда часы пробьют двенадцать

— Понимаю. Не нужно принуждать себя. Но, в конце концов, здесь твой дом, Фил. Это уже что-то, не правда ли? Он ничего не в силах отменить или отнять у тебя. Этот дом был твоим задолго до того, как он появился, и еще долго останется твоим, когда мы все о нем забудем.

Филида вздрогнула. Что-то в словах мисс Парадайн уязвило девушку, причем серьезно. Она негромко произнесла сдавленным голосом:

— Я не хочу об этом говорить. Пожалуйста, тетя Грейс.

Мисс Парадайн как будто встревожилась.

— Да, милая, конечно. Какая я глупая! Незачем оглядываться назад. Скоро Новый год, и ты приехала домой на выходные. Помнишь, как мы планировали каждую минуту праздников, когда ты была маленькой? Но каникулы всегда оказывались слишком короткими, чтобы успеть сделать хотя бы половину задуманного. Сегодня, разумеется, приглашены только родственники — Фрэнк, Ирен, Бренда. Они помирились, и она живет у них, хоть я и не знаю, сколько это продлится. Лидия тоже с ними... — Она вполголоса рассмеялась. — Краше прежнего — и все такая же язва. Еще будут Марк, Дики и Альберт Пирсон. Я не люблю, когда за столом собирается столько народу, но ничего не поделаешь.

Они снова двинулись вниз по лестнице, и Филида с облегчением спросила:

— А чем занимается Лидия?

— Ей-богу, не знаю, она болтает всякую чушь. Кажется, работает секретаршей. Лучше спроси